

*Имена и узнаваемые черты
некоторых описанных
в этой книге людей были изменены*

*Посвящается моей семье
и моим друзьям,
которые стали мне родными*

Пусть здесь и бушует
Сильный ветер,
Но сквозь доски крыши
Этого разрушенного дома
Пробивается лунный свет.

Идзуми Сикибу

Эшли,

должен признаться, я был удивлен, получив от тебя письмо. Я только что вернулся с работы, когда один из охранников исправительного учреждения принес мне почту. Я подумал, что это какая-нибудь заказанная мною книга или газета, потому что я почти никогда не получаю письма.

Эшли, не пойми неправильно, но через год будет двадцать лет, как я нахожусь в заключении, а это значит, что твое письмо было первым, которое ты написала мне почти за двадцать лет. Я даже поначалу не знал, как реагировать на него, а только медленно перечитывал слово за словом.

Ты права, утверждая, что ты теперь женщина, а не девочка. Поэтому я не буду обращаться к тебе как к маленькой девочке, а буду говорить с тобой как с женщиной. Но учти, что для меня ты всегда останешься моей маленькой девочкой, не говоря уже о том, что самой милой и лучшей на свете.

Я не знаю, почему Господь даровал мне тебя. Я не заслуживаю такой дочери, как ты, но Бог послал мне тебя не без причины, поэтому я очень рад быть

твоим отцом. Прошу тебя! Пожалуйста! Прости меня за всю боль, которую я тебе причинил в жизни.

Я собираюсь прожить достаточно, чтобы выйти из тюрьмы. Я собираюсь устроить свою дальнейшую жизнь. Я хочу показать тебе и твоему брату Ар-Си, как сильно я люблю вас каждую секунду. Эшли, твой отец вернется домой. Не могу обещать, когда точно это случится, но я даю слово, что обязательно вернусь.

С неизменной любовью,

papa

1

— Просто имей в виду, что ты всегда можешь вернуться домой.

Вот оно и случилось. Я ожидала, что мать точно произнесет эти слова, заранее ненавидя этот момент. За два года до ее звонка я переехала в Бруклин из Индианы и поселилась во Флэтбуше со своим бойфрендом Келли. Наши оставшиеся на Среднем Западе друзья строили дома с четырьмя спальнями на площади в один акр под ипотеку, сравнимую с ежемесячной арендой нашей односпальной квартиры. Прожив в городе год-другой, я стала восхищаться всем тем, что раньше считала обычным для любого дома. Посудомоечными машинами, стиральными машинами со встроенными сушилками, задним двором. В нашей квартире из всего перечисленного была только посудомойка, при работе которой на второй стадии цикла с глухим грохотом сотрясались

полы и стены. Расхаживая по полу, я ощущала ногами вибрацию.

Чтобы ответить на звонок матери, я встала из-за стола во время ужина. Она до сих пор жила в Форт-Уэйне, моем родном городе. Я же с тех пор, как окончила колледж одиннадцать лет назад, не раз меняла не только дом, но и город. Она звонила раз в несколько недель — я отвечала примерно на один из двух звонков, — и мы обычно мило болтали минут десять-пятнадцать. Я научилась поддерживать легкую беседу — по крайней мере, я убеждала себя в этом, — стараясь ничего не усложнять и не врать. Мне не хотелось врать ей. Мне хотелось разговаривать с матерью так же, как я разговаривала с большинством других людей и с самой собой. Но она была не просто «какой-то человек», а моя мать, так что задача выглядела невыполнимой. Существовали определенные границы. Мы касались только тех тем, обсуждение которых не закончилось бы спорами, то есть таких, которые по большей части заставляли нас обеих смеяться.

Когда она произнесла фразу о том, что я всегда могу вернуться домой, какая-то часть меня захотела в ответ закричать: «Мама, я люблю тебя, но скорее вылезу из кожи вон и стану драться с каждым встречным на улице, чем

мы снова будем жить под одной крышей». Этот красочный образ отражал мои чувства, которые я не осмеливалась выразить вслух из страха нарушить спокойный ход беседы. Перевести все в шутку я не могла, потому что в какой-то степени и вовсе не шутила. Я сердилась на себя за такие мысли, поскольку понимала: ей будет больно узнать, что я всегда так думала. Заодно я сердилась на себя и за то, что не осмелилась высказать это вслух. За то, что заботилась о ее чувствах, боясь сказать правду.

До ее звонка мы с Келли ужинали. Мы были живущими вместе любовниками, пытающимися понять, обладаем ли мы способностью превратиться из любящих друг друга людей в семью, которой мы хотели стать. Мы всячески украшали наше жилище, наше Гнездышко, как мы любовно называли это тесное, но милое пространство. Развешивали дешевые плакаты в рамках на стенах, расставляли по полкам статуэтки и небольшие чучела животных. Строили своего рода баррикаду между нашими мягкими внутренними «я» и жесткой городской средой. Мы не то чтобы не могли снести удары этой среды — просто не привыкли к ее ритму, но все еще надеялись каким-то образом приспособиться к ней. Каж-